

Участки неосвоенной земли сжимаются наподобие шагреневой кожи. Как сохранить территории, на которых пока еще остается животный и растительный мир? Наш собеседник – научный советник трансграничного проекта по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня Олег МИТРОПОЛЬСКИЙ.

*Газета \»Зеркало XXI\», 2003г.,Экоальманах «Просто пишем о среде» (2-й выпуск), 2004г.***Участки неосвоенной земли сжимаются наподобие шагреневой кожи. Как сохранить территории, на которых пока еще остается животный и растительный мир? Наш собеседник – научный советник трансграничного проекта по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня Олег МИТРОПОЛЬСКИЙ.**

— Олег Вильевич, в чем суть проекта?

— Территория Западного Тянь-Шаня сама по себе уникальна как по богатству видов растений и животных, так и по их природным комплексам – сообществам. Только здесь обитает несколько сотен эндемиков, то есть видов, которые живут только здесь и нигде больше в мире не встречаются. Среди эндемиков есть даже относительно крупные звери – каратаусский архар и сурок Мензбира. На этой территории много видов крупных зверей и птиц, которые во всем мире уже отнесены к категории исчезающих – снежный барс, белокоготный медведь, архары, горные козлы, многие виды хищных птиц, много редких растений.

Задача проекта – разработать методы сохранения всего многообразия видов региона. Программа очень сложная и предусматривает не только расширение существующих заповедников, но и создание новых. Для наиболее значимых видов разрабатываются целевые программы, например, по восстановлению ореховых лесов, сохранению пастбищ, спасению снежного барса и архаров, восстановлению ареала и численности сурка Мензбира. Важнейший аспект – рациональное использование биологических ресурсов региона, причем преимущественно местными общинами. Ресурсы эти важны и часто просто необходимы местному населению, ведь это топливо, пастбища и сенокосы, сбор плодов и орехов, заготовка лекарственных растений, охота и рыболовство.

Одно из приоритетных направлений – создание крупной заповедной территории, находящейся на стыке границ Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана. У нас эта территория расположена в верховьях реки Пскем. Ее основное достоинство в том, что там почти в неприкосновенности сохранилась дикая природа. Раньше этот участок у нашей республики арендовал Кыргызстан, а после провозглашения независимости практически никакой хозяйственной деятельности здесь не ведется. Потому-то и спешим создать заповедник. Мы рассчитываем, что удастся сохранить архаров, снежных барсов и медведей, ведь стык трех стран – это большая территория.
В Казахстане в этом регионе есть заповедник Аксу-Джабаглы. Сейчас коллеги завершили изучение этой территории и хотят расширить заповедник до нашей границы. В Кыргызстане в приграничье уже созданы два новых заповедника. Если и Узбекистан придаст нашей территории в верховьях Пскема этот статус, то на три государства будет большой высокогорный заповедник, где природа сохранится в целости.

— Пограничники там тоже будут находиться?

— Они и сейчас там не ходят, поскольку это труднодоступный район. Совмещенная узбекско-кыргызско-казахская охраняемая территория станет как бы территорией международного доверия: охрана границ – наружная, а внутренняя – общего пользования. Подобных межгосударственных проектов, работающих как один механизм, в мире единицы. Один из наиболее хорошо действующих, с которым у нас многое совпадает, это проект по сохранению биоразнообразия в Капской провинции Южно-Африканской Республики.

Хотя в Узбекистане в рамках проекта планируется создать только Пскемский заповедник, однако это не единственное направление, над которым мы работаем. В 2003 году удалось расширить территорию обеих частей Чаткальского заповедника, расположенных на территории Угам-Чаткальского национального парка: Башкызылсая и Майдантала.

Есть серьезные основания спешить, поскольку истребление фауны продолжается. Например, горные козлы уходят из заповедника на зиму на южные склоны Чаткальского хребта, где их вовсю бьют. У нас есть специальная программа: у охотников и браконьеров мы конфиденциально скупаем плечевые кости убитых животных, по которым определяем вид, пол и возраст. За зиму мы собрали 24 кости горных козлов, доказав, что козлов зимой убивают, от рогачей до ягнят. То же самое и с медведем, который, кстати, занесен в Красную книгу.

У нас расчет: платить за кости не так много, чтоб ради этого стреляли, но и не так мало, чтоб жалко было выбросить. Специально охотиться из-за этих денег не пойдут, но и обглоданную кость выкинуть жалко. Сейчас этот метод распространили на три государства – Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. А обработка информации происходит вся здесь, поскольку я сам обосновал и разработал методику. Она очень простая, ведь плечевые косточки легко собираются, хранятся. По ним многое можно узнать.

— В чем заключаются основные сложности при создании Пскемского заповедника?

— Проработка юридических вопросов, согласование законов. Например, законы о заповедниках в наших странах совершенно разные. В Узбекистане совершенно ничего нельзя делать в заповеднике, даже когда животные болеют чесоткой или волки собираются на зиму и все истребляют, нельзя выжигать сорную растительность. А в Казахстане закон предусматривает, что при необходимости такие компенсационные мероприятия проводятся.

Наши юристы сейчас готовят проекты поправок в законодательство. Мы стараемся унифицировать все законы – об охране, об охоте. Скажем, у нас животное занесено в Красную книгу, а в Казахстане – нет. Очень тяжело идут вопросы по использованию лесов, особенно, вокруг населенных пунктов, где они вырубаются на топливо. Не менее важно рациональное использование пастбищ, которым во многих местах реально угрожает перевыпас и деградация.

— Между нашими заповедниками нет экологических коридоров для миграции животных. Взять, к примеру, те два участка Чаткальского заповедника, что находятся на территории Угам-Чаткальского национального парка. Их реально объединить?

— Их не объединишь, поскольку вокруг пастбища. Наша задача – создать экологические коридоры, чтобы высокогорные крупные животные могли хоть как-то обмениваться генофондом. Ведь даже для медведей или козлов переходы не существуют – их убивают. Почти все, что выходит из заповедника, убивается. Поэтому важно объединить в одно высокогорное кольцо заповедники Западного Тянь-Шаня. Мы спешим с этим, и определенные результаты имеются.

— А можно как-то уменьшить количество скота в национальном парке?

— Нагрузка на пастбища сегодня потрясающая – численность скота увеличивается. Известно, что емкость пастбищ определяют лесхозы. Исходя из этого директора лесхозов определяют количество скота, который они могут разрешить пасти. Наши эксперты выяснили, что лесхозы завышают цифры. В 2003 году в Западный Тянь-Шань не только загнали скота больше, чем положено, но и с позволения областного хокимията поместили туда еще 120 тысяч голов скота из Ферганской долины. Пастбища Чаткальского хребта работали с запредельной нагрузкой.

— Бытует мнение, что если улучшить уровень жизни местного населения или дать ему альтернативные источники заработка, то в лесах вокруг поселков не будет ни коров, ни браконьеров.

— Это американцы думают: улучшим жизнь местного населения – автоматически уменьшится нагрузка на естественные ресурсы. А у нас получается наоборот. Если раньше охотник убивал из-за мяса, то если он стал зажиточным, ему уже надо рога на стену, шкуру медведя под ноги. В общем, престиж подавай.

Но ситуация не безвыходная. Существуют методы, позволяющие заинтересовать местных жителей в сохранении и преумножении животных. Например, охотничий туризм. Если приписать территории в личное или общинное пользование, с тем, чтобы животные считались собственностью и чтобы, как во многих странах, 40-50 процентов от стоимости охоты доставалось местным жителям, то возобладает бережное отношение к животным. Такая система в Таджикистане работает, и в Кыргызстане тоже. Там есть масса частных фирм, организующих охоту. Если застрелить горного барана стоит 40 тысяч долларов, то половина суммы сразу поступает в местный бюджет. Поголовье животных стало увеличиваться.

— Значит, в идеале разрешение на охоту должна давать местная община, которая является как бы хозяином данной территории?

— Это может быть не община, а частник или арендатор. Хозяин земли. Он разрешает столько-то животных отстрелять на своей территории, и ему идет с этого минимум 40 процентов.

Во всем мире валютные охоты – это, прежде всего, поддержка местного населения. Запретами ничего не добьешься. Мы сейчас как раз пробиваем программы, позволяющие заинтересовать местные сообщества в сохранении природы, в частности, сурка Мензбира. Колонии сурков есть на территории Ангренского плато. Чабаны, которые там летом живут, их стреляют, продают, собаки ловят. Если платить чабанам по 200-300 долларов за сезон за то, что на их участках число сурков сохранилось или увеличилось… Мы готовим для этой цели малый грант в десять тысяч долларов. Учет можно будет вести по норам. Этой программой заинтересовался Всемирный банк. Если увеличится число сурка, возможно, и барс сохранится.

В Ташкентской области барсов осталось десять-пятнадцать. Живет тем, что летом сурка ловит, а зимой – копытных. Поэтому он может обитать только там, где высокая численность сурка и приличная численность копытных, как возле Ангренского плато. Это уникальное место – громадная территория в 20 километров длиной. В 1976-м году мы проводили тут учет сурков Мензбира и насчитали их 35 тысяч. А сейчас осталась одна тысяча. Снежный барс обитал в окрестных горах. На само плато не выходил, ведь сурки и все соседние горы заселяли. Так что у барса не было необходимости выходить на равнину, где были волки, с которыми он всегда не в ладах.

— Ваши предложения находят поддержку у властей?

— Областной хокимият не возражает, ведь эта территория для хозяйственной деятельности не используется. Американцы из Всемирного банка, если заповедник будет создан, готовы на первые пять лет взять его на свой бюджет. Они выделят деньги на строительство кордонов, центральной базы, приобретение автотранспорта, оборудования и зарплату инспекторам.

Нам говорят: «У нас уже есть национальный парк». А вся беда в том, что Угам-Чаткальский национальный парк имеет нулевой статус – он не подходит ни под одну категорию охраняемых территорий. Это единственный национальный парк в мире, не имеющий ни одного гектара собственной земли. Он ничем не распоряжается: кто там что делал – то и делает. Недавно я был в загранкомандировке и почти месяц ездил по американским национальным паркам, так там вообще запрещено проживание людей. У нас же сто тысяч сельского населения живет на территории Угам-Чаткальского национального парка! Такого нет нигде в мире.

Очевидно, в перспективе парк надо ликвидировать и создать целую систему других охраняемых территорий. Но прежде надо все хорошенько обдумать и составить программу преобразований, выделив зоны полного покоя, где запрещено и лес рубить, и охотиться. Мы сейчас готовим план действий по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня. В дальнейшем предполагается вторая фаза проекта, когда этот план будем реализовывать.

Алексей ВОЛОСЕВИЧ
Экоальманах «Просто пишем о среде» (второй выпуск), 2004г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Биоресурсы

Биоресурсы

В Узбекистане запрещена охота на редкие виды диких животных согласно списку

04.08.2026
465 просмотров

Об этом - в Постановлении Кабмина «О мерах по возмещению ущерба объектам животного мира, а также по охране редких и находящихся под высокой угрозой исчезновения видов диких животных» с 1.8.2026 до 1.1.2028 г.

Биоресурсы

Сколько может стоить утрата биоразнообразия?

30.07.2026
411 просмотров

Сокращение биоразнообразия и деградация экосистем могут заметно ухудшить финансовое положение государств, снизить их кредитные рейтинги и повысить стоимость заимствований.

Биоресурсы

Как видит ФАО будущее продовольственной безопасности

12.07.2026
687 просмотров

Сохранение нынешней модели хозяйствования усугубит деградацию почв, ускорит истощение запасов подземных вод и заставит аграриев активнее конкурировать с природными экосистемами за землю и воду.